

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-103-116>

EDN: QQRKQL

Научная статья / Research Article

Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX в.

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
 rpochekaev@hse.ru

Аннотация. Анализируются характеристики традиционного суда у казахов на основе обычного права (суд биев, народный суд) в статьях российских современников, служившими в Степном крае или бывавшими там по служебным и иным делам, выходивших на страницах русской периодики и впоследствии включенных в «Туркестанский сборник» – уникальное собрание материалов, посвященных Русскому Туркестану и сопредельным странам и регионам, выходившему во второй половине XIX – начале XX в. Наряду с критикой практики казахского суда в современный им период эти авторы нередко весьма положительно оценивали суд у кочевников в прежние времена. Автор статьи намеревается выяснить, с какой целью чиновники идеализировали прошлое казахского суда: желали ли они расширить сферу его деятельности или, напротив, старались показать, что его трансформация в худшую сторону делает его бесполезным, и его следует заменить имперскими судебными инстанциями? Основными методами исследования являются формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой, контент-анализ. Автор приходит к выводу о том, что исследуемые материалы существенно дополняют наши представления о суде и процессе в Казахской степи рассматриваемого периода, базирующиеся на анализе историко-правовых памятников и официальной ведомственной информации.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, суд биев, народный суд, обычное право кочевников, судебные реформы

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268>, реализуемого в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Поступила в редакцию: 22 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

© Почекаев Р.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Почекаев Р.Ю. Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX в. // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 103–116. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-103-116>

Traditional Kazakh court in the pages of the Russian press of the late 19th to early 20th century

Roman Yu. Pochekaev

HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

 rpochaev@hse.ru

Abstract. This study analyzes publications on the traditional Kazakh court (biys' court, people's court) by Russian contemporaries who served in or traveled to the Steppe Region. These publications were featured in Russian periodicals and later included in the “Turkestan Collection”, a unique compilation of materials on Russian Turkestan and neighboring states and regions, compiled in the second half of the 19th to the beginning of the 20th century. The authors criticized contemporary courts but positively regarded the historical court system. The article aims to clarify the reasons behind this idealization of the ancient traditional Kazakh court: whether the authors intended to promote its practices or, on the contrary, to highlight its negative transformation and advocate for a shift toward Russian imperial judicial system. The study primarily employs formal-legal, historical-legal, comparative-legal methods, and content analysis. The author finds that the analyzed materials significantly support our understanding of courts and proceedings in the Kazakh Steppe during the studied period, which is typically based on historical legal monuments and official institutional documents.

Key words: Russian Empire, Steppe Region, biys' court, people's court, customary law, court reforms

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was conducted with the support of grant No. 23-18-00268 from the Russian Science Foundation for the project ‘Justice in the System and Integration Processes in the Peripheral Regions of the Russian Empire (18th- Early 20th Century),’ implemented at HSE University.

Received: 22th August 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Pochaev, R.Yu. (2025) Traditional Kazakh court in the pages of the Russian press of the late 19th to early 20th century. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 103–116. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-103-116>

Введение

Вопросы истории традиционного суда казахов («киргизов») в период пребывания Казахской степи в составе Российской империи (1731–1917) неоднократно привлекали внимание исследователей. Первые обзорные работы, в которых давалась характеристика традиционного казахского суда, его формы, источников, принимавшихся решений, появились уже в XIX в. – это труды Н.И. Гродекова, И.И. Крафта, Л.А. Словохотова (Grodekov, 1889; Kraft, 1898; Slovkhotov, 1905) и др. Среди

советских исследователей, уделявших внимание проблемам интеграции традиционного казахского суда в систему имперской юстиции можно назвать, в частности, работы С.Л. Фукса (Fuks, 2008) и С.З. Зиманова (Zimanov, 2008). Современные авторы, исследуя данную проблематику, сосредотачиваются на отдельных аспектах, соответственно, привлекая в большей степени и конкретные виды исторических источников. Так, например, И.В. Анисимова изучает позиции российских властей различного уровня относительно традиционного суда казахов, опираясь на материалы официальной переписки и проекты преобразований (Anisimova, 2013a; 2013b; 2018; 2024). Д.В. Васильев анализирует источники права (включая проекты, которые так и не вступили в силу), которыми регламентировалась административная и судебная деятельность в степных областях (Vasil'ev, 2014; 2020). Американский историк В. Мартин предметно изучает тенденции и механизмы включения казахского суда биев в имперскую судебную систему на основе как правовых актов, так и судебных дел (Martin, 2001). Целый ряд авторов (преимущественно зарубежных) рассматривают проблему взаимодействия норм обычного права (адата) и религиозного права (шариата) в практике судов биев, уделяя внимание также и позиции российских властей по данному вопросу, привлекая в качестве источников преимущественно конкретные судебные решения из практики как традиционных, так и российских судов (Frank, 2001; Sartori, 2017; Shabley, Sartori, 2020; Shabley, 2023; Uyama, 2013). Ж.С. Мажитова специализируется на изучении историографии казахского суда биев, анализируя, соответственно научные работы в качестве источников своего исследования (Mazhitova, 2016).

Стоит отметить, что практически никто из исследователей до сих пор не уделял достаточно внимания такому источнику как публицистика соответствующего периода – публикации на страницах прессы. Между тем, как представляется, этот вид исторических источников является весьма ценным и интересным для изучения, поскольку в публицистических работах мнения, в т.ч. по важным политическим вопросам, высказывались более откровенно и менее официально даже в тех случаях, когда их выражали представители органов государственной власти и административного управления. Более того, различные газеты и журналы Российской империи представляли разные политические круги (в т.ч. и оппозиционные властям) и социальные группы интересов, соответственно одна и та же проблематика могла освещаться в таких изданиях с разных сторон и со с разным акцентированием тех или иных аспектов.

Несомненно, вопрос о традиционном казахском суде, особенно в тот период, когда началась его активная интеграция в российскую судебную систему (начиная с рубежа 1860–1870-х гг.) не мог не найти отражения на страницах российской периодики. Естественно, искать соответствующие публикации на страницах многочисленных газет было бы не всегда эффективно: понадобилось бы просматривать огромное число подшивок ради нахождения нескольких десятков публикаций, непосредственно относящихся к тематике исследования. Кроме того, ряд изданий соответствующего периода полностью или частично не сохранился. И в этих условиях нам может существенно помочь работа с материалами «Туркестанского сборника».

Цель исследования – найти ответ на вопрос о причинах столь суровой критики действующего в рассматриваемый период традиционного казахского суда российскими современниками – авторами вышеупомянутых статей из «Туркестанского сборника» с учетом того, что многие из авторов весьма положительно отзывались

о деятельности этого суда в прежние времена, до вхождения Казахской степи в состав Российской империи.

Для достижения цели следует решить нескольких задач, а именно:

- провести детальный анализ привлеченных публикаций;
- выявить аспекты деятельности традиционного казахского суда, вызывавшие наиболее серьезные критические замечания российских современников;
- сравнить позиции различных авторов по поводу народного суда казахов в зависимости от их профессиональной принадлежности или политической ориентации.

Решение поставленных задач предполагает использование ряда исследовательских методов. Формально-юридический метод позволяет подробно проанализировать публикации, вошедшие в «Туркестанский сборник» на предмет изучения и критики отдельных аспектов традиционного суда и процесса в Казахской степи. Историко-правовой метод дает возможность понять общую ситуацию в степных областях под властью Российской империи и оценить уровень актуальности наблюдений, оценок и замечаний, высказывавшихся авторами статей. Сравнительно-правовой подход позволяет сравнить позиции различных авторов по рассматриваемым аспектам, а также ситуацию с традиционным казахским судом в доимперский и имперский периоды. С учетом того, что анализируется достаточно большой массив публицистических материалов, эффективным методом их изучения также представляется контент-анализ, с помощью которого мы можем выяснить, какие процессуальные аспекты привлекали большее внимание российских современников.

«Туркестанский сборник» как источник сведений о праве и суде в Русской Центральной Азии

«Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности»¹, представляет собой уникальное собрание публикаций, посвященных истории, этнографии и текущему политическому состоянию Русского Туркестана, а также прилегающих регионов Российской империи и зарубежных стран. Его первым составителем и редактором стал библиограф В.И. Межов, который по распоряжению туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана (1867–1882) стал формировать многотомную подборку, состоящую из книг, брошюр, а также газетных и журнальных публикаций, преследуя цель собрать все материалы о Туркестане и соседних территориях по мере их опубликования. Всего за 1867–1887 гг. Межовым было составлено 416 томов таких материалов. При этом нельзя сказать, что тома четко выдерживали тематическую или хронологическую линию: судя по всему, редактор группировал материалы по времени их поступления в его распоряжение. Поэтому сам же В.И. Межов составил также и трехтомный указатель к изданным им томам с разбиением вошедших в «Туркестанский сборник» публикаций, в том числе по тематическим рубрикам². В начале XX в.

¹ Таково его полное название, которое обычно в историографии принято сокращать до первых двух слов. Общей характеристике сборника посвящена специальная работа (Kasymova, 1985).

² Межов В.И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Тт. 1–150. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1878. 184 с.; Тт. 151–300. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1884. 166 с.; Тт. 300–416. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1888. 134 с.

работу В.И. Межова по созданию «Туркестанского сборника» продолжили библиограф Н.В. Дмитриевский, в течение 1907–1910 гг. выпустивший тт. 417–543, и востоковед А.А. Семенов, в течение 1911–1916 гг. выпустивший тт. 544–591³. Указатель к ним был составлен О.А. Масловой (Maslova, 1940).

Материалы «Туркестанского сборника» неоднократно привлекались исследователями. В большинстве случаев он используется как источник сведений об отдельных аспектах истории тюркских народах Русской Центральной Азии (Al'zhanova, 2015; Bazarov, 2016; Gökalp & Eyüpoğlu, 2018; Yo'ldoshev & Boboyev, 2023) либо отношений России с соседними центрально-азиатскими государствами (Khatamov, 1993; Chulliev, 1994). В некоторых случаях он также рассматривается как отражение воззрений российских властей в отношении центрально-азиатских владений империи (Obiya, 2013).

Однако, насколько нам известно, правовые реалии Русской Центральной Азии (и конкретно, для целей данного исследования, Казахской степи) на основе материалов «Туркестанского сборника» до сих пор практически не анализировались. Тем более, не привлекались для подобного анализа именно материалы русской периодики рубежа XIX–XX вв. В рамках настоящей статьи мы намерены восполнить этот пробел и продемонстрировать полезность и ценность газетных и журнальных публикаций как источника сведений о мнениях и оценках представителей российской общественности (чиновников, юристов-практиков, ученых, собственно журналистов и т. д.) по поводу функционирования и эволюции традиционного казахского суда в рассматриваемый период. По тематике исследования нам удалось найти не слишком много публикаций – всего восемнадцать. Однако, как мы покажем ниже, даже эта сравнительно небольшая подборка является вполне репрезентативной и позволяет достичь поставленной нами цели.

Судьи-бии и отношение к ним российских властей и местного населения

Целый ряд авторов уделяет значительное внимание вопросу о правовом статусе судей традиционного казахского суда – биев (народных судей). В большинстве случаев их отношение к этим деятелям достаточно критическое – особенно когда речь заходит о сравнении биев, современных авторам мнений, и их предшественникам из предыдущих эпох⁴.

Так, например, авторы статей подчеркивают, что раньше бии выбирались самими тяжущимися из числа наиболее уважаемых и справедливых людей, хорошо знающих обычаи, и только юрист А. Зуев в 1907 г. высказывал по этому поводу особое мнение, считая, что уже в XVIII в. суд биев был «сильно полинявший»⁵. Большинство же остальных российских современников склонны идеализировать прежних судей-казахов, видя в этом повод для критики нынешних судей.

Например, по мнению юристов А.В. Леонтьева и Е. Медведева, большинство современных народных судей не знали народных обычаев, поскольку принадлежали

³ В 1939 г. библиограф Е.К. Бетгер выпустил тт. 592–594, которые включали трехтомный труд М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», опубликованный в 1906 г., и потому представляют меньший интерес для изучения.

⁴ См., напр.: Киргизский суд и присяга // Туркестанский сборник. Т. 395. СПб., 1883. С. 178; Леонтьев А. Обычное право киргиз. Судостроительство и судопроизводство // Туркестанский сборник. Т. 480. Ташкент, 1908. С. 1536.

⁵ Зуев А. Киргизский народный суд // Туркестанский сборник. Т. 460. Ташкент, 1908. С. 111.

к поколениям, выросшим уже в период пребывания Казахской степи в составе Российской империи и, соответственно, испытали российское влияние. Обычаи знали лишь старики, которые умирали, не передав свои знания потомкам, поскольку последние не считали их нужными в новых политико-правовых условиях⁶.

Причинами такого снижения уровня профессионализма биев авторы статей нередко называют российские преобразования традиционного казахского суда в «народный». Так, резко критикуется система формальных выборов биев с помощью шаров⁷: по мнению авторов статей, такая процедура была непонятна казахам, привлекавшимся к голосованию, что влекло ошибки в выражении ими своего мнения и, соответственно, избранию не тех, кого выборщики реально хотели бы видеть своими судьями⁸.

Поводом для критики стала и так называемая «борьба партий»: влиятельные группировки в каждом судебном округе старались склонить выборщиков на свою сторону, нередко подкупая их⁹. При этом раздавались действительно серьезные суммы: назывались цифры от 5 до 10 тыс. руб. Естественно, в дальнейшем избранные судьи старались «компенсировать» эти затраты себе и своим сторонником, следствием чего становились взяточничество, произвольное увеличение «бийлыка»¹⁰, принятие несправедливых решений в пользу более состоятельных участников разбирательств и пр.¹¹.

Подобные практики влекли и другие негативные тенденции в процессуальной сфере в Казахской степи. Среди них авторы статей называли, в частности, появление многочисленных неосновательных исков: казахи, зная о коррупции в судах и предвзятости биев, предъявляли претензии, надеясь, что ответчики не решатся пойти к несправедливым судьям и согласятся на отступные в рамках мирового соглашения¹².

Естественно, участники процесса, недовольные несправедливыми решениями народных судей, имели право обжаловать их в российских судебных инстанциях, что было предусмотрено в законодательном порядке. Однако подобные обращения нередко влекли негативные последствия для жалобщиков, которым впоследствии могли мстить как сами народные судьи, так и поддерживавшие их «партии»¹³.

Неудивительно, что наряду с народными судьями, официально избранными и утвержденными российской администрацией, в степи действовали «подпольно» также «правильные» бии, к которым обращались не только казахи, не доверявшие народному суду, но и... сами же народные судьи, если сталкивались с затруднениями при выборе решений¹⁴!

⁶ Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 152а; Медведев Евг. Народный суд // Туркестанский сборник. Т. 478. Ташкент, 1908. С. 99.

⁷ Порядок избрание народных судей биев регламентировался §§ 135–138 «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г., см.: Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. I / сост. М, Г. Масевич. Алма-Ата: изд-во АН Казахской ССР, 1960. С. 332.

⁸ Из Оренбурга // Туркестанский сборник. Т. 326. СПб., 1883. С. 173–174.

⁹ Зуев А. Киргизский народный суд. С. 106, 111.

¹⁰ Процент от суммы иска, традиционно шедший бию в качестве вознаграждения за разбор дела и вынесение решения.

¹¹ Медведев Евг. Народный суд. С. 98, 101.

¹² Медведев Евг. Народный суд. С. 102.

¹³ См., напр.: Медведев Евг. Народный суд // Туркестанский сборник. Т. 491. Ташкент, 1908. С. 27.

¹⁴ Киргизский суд и присяга. С. 178–179.

Внешнее влияние на традиционный казахский суд

Много внимания авторы статей, включенных в «Туркестанский сборник», уделяют вопросам, связанным с влиянием процессуальных традиций Российской империи на традиционное казахское правосудие. Такое влияние нашло отражение в существенной трансформации ряда судебных традиций казахов, и российские современники оценивают результаты этой трансформации весьма критически.

Так, серьезным поводом для критики казахских пореформенных народных судов в глазах авторов статей «Туркестанского сборника» стало повсеместное распространение практики принесения присяги.

Компетентные авторы, много лет контактировавшие с казахами, отмечали, что в прежние времена кочевники относились к присяге весьма ответственно. Обычное казахское право предусматривало несколько видов такой присяги – например, клятва истца и ответчика в правдивости своих показаний или очистительная присяга поручителей. Принесение таких клятв обставлялось весьма торжественно: присягавшие в присутствии многочисленных свидетелей совершали обход могил предков, целовали клинок или дуло ружья и т.п.¹⁵ Как отмечали российские современники, главным принципом принесения присяги было знание либо обстоятельств дела, либо участника процесса, за которого присягали поручители¹⁶. Конечно же, в таких условиях не было смысла лгать, поскольку на разбирательстве присутствовало много свидетелей, которые легко могли уличить присягнувшего во лжи. Именно по этой причине казахи в прежние времена старались всячески избегать принесения присяги, поскольку не желали свидетельствовать против своих родных и близких, но в случае принесения клятвы должны были бы говорить правду, даже если бы она вредила последним¹⁷.

В пореформенном же народном суде прежний пиетет по отношению к присяге исчез. Во-первых, российские власти в обязательном порядке предписали приносить присягу на Коране, т.е. по мусульманскому образцу (причем разработанному ранее для народов Кавказа и Поволжья, исповадовавших ислам¹⁸), что в корне противоречило прежним процессуальным традициям казахов¹⁹. Неудивительно, что, принося клятву в чуждой для них («русской») форме, казахи не чувствовали себя связанными ей и в результате постоянно лжесвидетельствовали. Во-вторых, если при разбирательстве присутствовали российские чиновники, осуществлявшие контроль за ведением дел в народных судах (не говоря о делах, непосредственно рассматривавшихся в русских судебных инстанциях), даже следовавшие канонам ислама казахи считали

¹⁵ Готовицкий М. Значение и обряд присяги у киргиз // Туркестанский сборник. Т. 383. СПб., 1883. С. 116. См. также: Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 158а.

¹⁶ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом // Туркестанский сборник. Т. 419. Ташкент, 1907. С. 297; Готовицкий М. Значение и обряд присяги у киргиз. С. 10а–б.

¹⁷ Из Оренбурга. С. 173; Киргизский суд и присяга. С. 180.

¹⁸ Форма присяги была закреплена высочайше утвержденным положением Комитета министров от 25 апреля 1850 г., см.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе. Т. XXV. Отд. I. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1851. № 24117. С. 410–411.

¹⁹ Дингельштедт Н.А. Мусульманская присяга и клятва // Туркестанский сборник. Т. 475. Ташкент, 1908. С. 326–33а, 35б; Зуев А. Киргизский народный суд. С. 139–140; Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 154б.

себя вправе лжесвидетельствовать перед «неверными», не без оснований считая, что данная в их присутствии клятва на Коране не имела силы²⁰.

Неоднократно авторы статей в «Туркестанском сборнике» обращаются к проблематике процессуального положения казахских женщин. Большинство российских современников единодушны в том, что имперская администрация старалась улучшать положение местных женщин: ведь ранее они вообще не участвовали в процессе, поскольку мужчины считали их «бестолковыми» и представляли в разбирательстве их интересы. В результате административных и судебных реформ конца 1860-х гг. в Казахской степи у женщин появилось право не только давать показания и согласие на заключение брака в народных судах, но и обращаться с апелляцией на решения биев в русские судебные инстанции²¹. Однако, во-первых, эти права казахских женщин были существенно урезаны в результате принятия положений «Об управлении Туркестанского края» 1886 г. и «Степного положения» 1891 г., и они снова оказались во власти традиционных судей²². Во-вторых, власть рода над женщинами традиционно оставалась сильной, и, в случае попыток женщин отстаивать свои права в суде их родичи оставляли за собой право прибегнуть к внесудебным и порой весьма жестоким мерам противодействия. Пример такой практики приводит некий «Вятич» в статье, опубликованной в ташкентской газете «На рубеже» в 1908 г.: после смерти мужа женщина заявила народному судье, что не собирается вступать в новый брак, тем самым став официальной опекуной своих дочерей; в ответ на это родственник ее мужа убил ее, не желая терять выгод, связанных с женитьбой на одной из ее дочек и, соответственно, получением ее имущества²³.

Характеризуя такие тенденции, авторы статей в «Туркестанском сборнике» неизбежно приходят к анализу причин трансформации традиционного казахского суда. В результате они приходят к довольно парадоксальному выводу, выявляя влияние на него как мусульманского права, так и российского права и процесса.

Расширение функций представителей мусульманского духовенства (мулл) в Казахской степи, их участие в судебных процессах неизбежно приводило к расширению действия норм шариата даже в народных судах, которые официально должны были опираться на обычное право. В результате многие народные судьи-бии, которые, как уже отмечалось выше, не являлись знатоками степных правовых обычаев и традиций, сознательно или подсознательно подменяли обычно-правовые нормы и принципы шариатскими²⁴.

²⁰ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. С. 300–301, 315; Дингельштедт Н.А. Мусульманская присяга и клятва. С. 33а; Медведев Евг. Народный суд. С. 101–102.

²¹ Зуев А. Киргизский народный суд. С. 123; К вопросу об улучшении положения киргизской женщины // Туркестанский сборник. Т. 468. Ташкент, 1908. С. 111. Такое право женщин предусматривалось, в частности, § 163 «Временного положения...» 1868 г., см.: Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 334.

²² Зуев А. Киргизский народный суд. С. 126; К вопросу об улучшении положения киргизской женщины. С. 111; Подварков А. Брак и развод у киргиз Туркестанский сборник. Т. 541. Ташкент, б.г. С. 87. Уже сточение порядка рассмотрения дел, связанных с брачно-семейными отношениями, см.: ПСЗРИ. Собрание третье. Т. VI. СПб.: Гос. тип., 1888. № 3814. § 213–215. С. 335; Т. XI. СПб.: Гос. тип., 1894. № 7574. П. 16. С. 143.

²³ Вятич. Родовая месть // Туркестанский сборник. Т. 494. Ташкент, 1908. С. 22–23.

²⁴ А. Зуев отмечал, что мусульманские судьи-кади в ряде случаев пытались заменять в разбирательстве народных судей биев, см.: Зуев А. Киргизский народный суд. С. 120–121. Дополнительное затруднение для российской администрации при выявлении таких случаев составлял тот факт, что в оседлых регионах Туркестанского края, где функционировали шариатские судьи-кади, мусульманское право также

Российское влияние нашло отражение в присвоении биям (ранее избиравшимся самими тяжущимися *ad hoc*) официального статуса с обязанностью участников процесса обращаться только к ним, во внедрении в казахский суд письменного производства и письменных доказательств, формировании представлений о преступлениях (в том числе и такого распространенного у кочевников деяния, как барымта²⁵) не только как о причинении ущерба, но и как о нарушении нравственных устоев и т.д.²⁶

Активное взаимодействие казахских народных судей с российскими властями привело к тому, что бии наряду с прежними своими нарушениями (взятки, несправедливые решения и пр.) стали практиковать и более «цивилизованные» способы обхода закона. Так, они весьма широко прибегали к следующей «юридической фикции»: поскольку биям не позволялось единолично разбирать иски свыше 300 руб., они принимали к рассмотрению дело об имуществе, например, стоимостью 1 500 руб. и разбивали его на пять самостоятельных дел о части такого имущества, соответственно, не более 300 руб. каждое. Естественно, это делалось с целью получить «бийлык» с большей суммы, чем позволялось российским законодательством²⁷.

Некоторые авторы, впрочем, приводят примеры и обратного влияния кочевых обычно-правовых норм и принципов на практику русского суда. Например, помощник судьи Степного края А.В. Леонтьев в статье, опубликованной в «Юридическом вестнике» в 1890 г., упоминает, что вплоть до окончательной криминализации барымты российские пограничные власти закрывали глаза на ее применение русскими казаками в ответ на казахские набеги на их селения с целью грабежа²⁸.

Один из авторов также приводит пример, когда представитель российской судебной инстанции (причем ни кто иной, как сам туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман) применил традиционный казахский процессуальный институт «карандыас-кыб» («полупримирение»), приняв компромиссное решение по делу с участием казахов-кочевников и русского подданного, который случайно убил на охоте казаха. При этом сами же казахские тяжущиеся просили генерал-губернатора не выносить решение на основе русских законов, поскольку виновный был бы заключен в тюрьму, и это не принесло бы никакой пользы вдове и детям убитого. В результате Кауфман согласился санкционировать «полупримирение», обязав подсудимого выплатить вдове половину куна за убийство – 25 лошадей²⁹.

официально в законодательстве характеризовалось как «обычное», см.: Шкапский Ор. Аму-Дарьинские кулаки перед судом Шариата и казиев // Туркестанский сборник. Т. 419. Ташкент, 1907. С. 63–64.

²⁵ Набег с целью угона определенного количества скота у лица, которое, по мнению угонщика (барымтачи) причинило ему ущерб и отказалось его возместить; количество угнанного скота отражало представление барымтачи о таком ущербе. Но если тот, у кого угнали скот, считал, что лишился большего имущества, чем причинил ущерб, он, в свою очередь, мог осуществить набег на своего противника и тоже угнать у него скот. В традиционном казахском праве (до русских судебных реформ) барымта являлась весьма распространенным способом внесудебного урегулирования споров (см. подробнее: Martin, 2001: 140–155).

²⁶ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. С. 296; Диваев А. А. К вопросу о киргизских судах // Туркестанский сборник. Т. 422. Ташкент, 1907. С. 156; Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 147а, 148а, 151а–б, 158а.

²⁷ Согласно § 138 «Временного положения...» 1868 г., бийлык составлял до 10 % от стоимости иска, см.: Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). С. 332.

²⁸ Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 147б.

²⁹ Готовицкий М. Окончание дел полумиром по киргизскому обычному праву // Туркестанский сборник. Т. 383. СПб., 1883. С. 12а. См. также: Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 158а–б.

Подобное взаимовлияние делало актуальным более подробное изучение и фиксацию обычного права казахов с целью его систематизации и приведения в соответствие с нормами имперского законодательства. Однако, как отмечают юрист А. Зуев и чиновник и этнограф А.А. Диваев в статье, опубликованной в газете «Окраина», имперская администрация в этом не преуспела. В течение 1770–1840-х гг. предпринимались попытки сбора информации о степных правовых обычаях, но в силу непрофессионализма чиновников, ответственных за этот сбор, закончились неудачно, и свод обычного права казахов так и не был составлен. Причем ситуация с квалификацией соответствующих чиновников не изменилась и к концу XIX в.³⁰

Другим выходом из положения российские власти видели составление ереже – набора унифицированных правовых обычаев, которыми должны были руководствоваться съезды народных судей при разбирательстве сходных дел. Однако такие ереже принимались каждым съездом самостоятельно, и об общей унификации для всей Казахской степи речи не шло. Более того, после прекращения работы таких съездов их ереже также теряли свою силу. Попытка же военного губернатора Семипалатинской области В.С. Цеклинского в 1886 г. объявить одно из них постоянно действующим вызвала недовольство не только самих казахов, но и российских чиновников в степи³¹. Кроме того, невозможность постоянного контроля за деятельностью народных судей и их съездов приводила к тому, что в таких ереже бии присваивали себе более широкие полномочия, чем закрепленные в законодательстве, в результате даже разбирая дела об убийствах и приговаривая к тюремному заключению или каторжным работам – при том, что такие дела и приговоры находились в исключительной компетенции российских судебных инстанций³²!

Призывы к изучению и систематизации обычного права казахов продолжают в анализируемых нами публикациях вплоть до 1910-х гг. Правда, при этом они имеют не столько практический, сколько этнографический контекст: например, вышеупомянутый А.А. Диваев рекомендовал собирать сведения о традиционном казахском праве, «пока знания о нем совсем не исчезли»³³, при этом не настаивая на практическом применении результатов их сбора.

Выводы и предложения авторов статей

К каким же выводам приходят авторы статей, помещенных в «Туркестанском сборнике» по итогам столь неутешительных результатов своих наблюдений?

Во-первых, большинство их идеализирует традиционный казахский суд прошлого времени, т.е. когда казахи еще не признали российского подданства. Однако нельзя не отметить, что они сами же признают, что не имеют достаточных данных о нем в силу отсутствия письменных источников и вынуждены опираться на рассказы тех «стариков», которые еще застали прежний суд³⁴.

³⁰ Диваев А. А. К вопросу о киргизских судах. С. 156, 157; Зуев А. Киргизский народный суд. С. 148.

³¹ Зуев А. Киргизский народный суд. С. 117; Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 152 а–б.

³² Гор. Копал // Туркестанский сборник. Т. 442. Ташкент, 1907. С. 182–184; Медведев Евг. Народный суд. С. 99.

³³ Диваев А. А. К вопросу о киргизских судах. С. 157.

³⁴ Например, А. Зуев совершенно справедливо отмечает, что в народных преданиях о суде и судьях-биях не упоминаются ошибки, совершавшиеся судьями прошлого, см.: Зуев А. Киргизский народный суд. С. 107.

Во-вторых, характеризуя недостатки пореформенного народного суда казахов по сравнению с «древним» судом биев, авторы не настаивают на том, чтобы «возродить» последний. Напротив, они констатируют, что многие прежние процессуальные традиции утрачены, другие деформированы в результате влияния шариата и российского законодательства, а знатоков степных обычаев становится все меньше и меньше. В связи с этим они признают, что вернуть дореформенный суд (что активно предлагалось рядом российских чиновников еще в середине XIX в.) в сложившихся обстоятельствах уже невозможно.

Поэтому, в-третьих, авторами высказываются два основных предложения о судьбе современных им народных судов в Казахской степи.

Первое из них состоит в том, чтобы еще более формализовать деятельность народных судей, превратив их официально в низовую инстанцию российской судебной системы в регионе и предписав опираться на нормы имперского законодательства, полностью отказавшись от следования обычаям. Сторонники такого варианта объясняют его тем, что население Казахской степи остается достаточно консервативным и приверженным к своим традициям и обычаям, а потому не сумеет интегрироваться в российскую судебную систему и эффективно защищать свои права. Наиболее ярко эту позицию выразил ученый-этнограф И.В. Аничков в статье, опубликованной в «Журнале министерства юстиции» в 1898 г.³⁵

Другие авторы предлагают просто-напросто отменить институт народных судей по причине их непрофессионализма, недоверия к ним со стороны населения и увеличения числа гражданских споров и уголовных дел между казахами и русскими подданными, передав все эти дела под юрисдикцию российских судебных инстанций в регионе³⁶. Сторонники такого радикального решения (а это, в первую очередь, практикующие юристы) не соглашались с приверженцами первого варианта, настаивая на том, что казахи уже не столь «дики» и за время пребывания в составе Российской империи сумели адаптироваться к имперской системе ценностей, в том числе и правовых, поэтому вполне готовы защищать свои интересы в российских судах³⁷.

Завершая наше исследование, мы приходим к довольно любопытному и несколько неожиданному для нас заключению: несмотря на то, что авторы проанализированных статей принадлежали к разным группам интересов, публиковались в разных (в том числе по политической ориентации) изданиях и нередко полемизировали друг с другом³⁸, в целом они практически единодушно разделяют позиции официальных властей. Это выражается в негативной оценке качества народного суда, искажении степных обычаев и отрицательной роли мусульманского права в развитии

³⁵ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. С. 294–295.

³⁶ Зуев А. Киргизский народный суд. С. 149, 152; Медведев Евг. Народный суд. С. 102. Ср.: Медведев Евг. Народный суд. С. 28; Х. Киргизский народный суд // Туркестанский сборник. Т. 460. Ташкент, 1908. С. 2.

³⁷ При этом некоторые авторы считают, что и ряд российских судебных инстанций для казахов изжил себя в современных условиях – например, военные суды, в компетенции которых были отдельные виды преступлений, совершавшихся казахами, см.: [Вопрос об изменении подсудности Киргизов Уральской и Тургайской областей] // Туркестанский сборник. Т. 298. СПб., б.г. С. 234.

³⁸ Например, И.В. Аничков критиковал некоторые построения Н.А. Дингельштедта, а автор публикации в «Оренбургской газете» 1908 г., скрывавшийся под псевдонимом «Х.» – А. Зуева. Как представляется, подобная практика подтверждает, что авторы анализируемых статей не только старались отслеживать ситуацию, связанную с казахским судом и процессом, но и читали работы друг друга.

суда и процесса в Казахской степи. Что же касается российского влияния, то хотя оно имело свои недостатки и, соответственно, негативные последствия для развития народного суда, практически все авторы признают, что в целом оно играет положительную роль в развитии казахов и способствует повышению их культуры, в том числе и правовой³⁹.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что критика казахских народных судов в статьях, вошедших в «Туркестанский сборник», носила частный, субъективный характер и была обусловлена особенностями собственного опыта или позиции конкретных авторов. В связи с этим проанализированные публикации представляют интерес как отражение, во-первых, фактического состояния судов (за счет информации, нередко полученной авторами из первых рук), а во-вторых – мнений и суждений представителей разных социальных групп, политических позиций и пр., что существенно расширяет наши представления о процессуальных реалиях в Казахской степи за счет дополнения имеющихся знаний об официальной государственной политике и административных мерах в регионе личными оценками конкретных современников.

References / Список литературы

- Al'zhanova, E.E. (2015) "Turkestan Collection" as a written source of the cultural heritage of the Central Asian Turks of the 19th century. *Turkic Studies*. (6), 91–109. (in Russian).
Альжанова Э.Е. Туркестанский сборник – письменный источник культурного наследия среднеазиатских тюрок XIX века // Тюркология. 2015. № 6(74). С. 91–109.
- Anisimova, I.V. (2013a) The problem of the effectiveness of reforming of the traditional court system of the Kazakh society. *Proceedings of the Altai State University*. 4–2(80), 109–113. (in Russian).
Анисимова И.В. Вопрос об эффективности реформирования традиционной судебной системы казахского общества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2(80). С. 109–113.
- Anisimova, I.V. (2013b) Positions of the central and regional authorities on the reforming of the traditional court system of the Turkestan Region and Steppe Governor-Generalship at the end of the 19th c. *Altai State University Herald*. 4, 102–105. (in Russian).
Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу преобразования традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. // Вестник Алтайского государственного университета. 2013. № 4. С. 102–105.
- Anisimova, I.V. (2018). The problem of the reforming of the traditional court-legal system of the Turkestan Region and Steppe provinces at the end of 19th – beginning of 20th c. *Tomsk State University Herald*. (42), 44–53. <https://doi.org/10.17223/15617793/428/6> (in Russian).
Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 44–53. <https://doi.org/10.17223/15617793/428/6>
- Anisimova, I.V. (2024) *Court system of the Steppe Region within the frontier modernization (end of 18th – 20s of 20th c.)*. Doctor of Historical Sciences dissertation. Barnaul, S.n. (in Russian).
Анисимова И.В. Судебная система Степного края в условиях фронтальной модернизации (конец XVIII – 20-е гг. XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул : Б.и., 2024. 496 с.

³⁹ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. С. 319.

- Bazarov, K. (2016) Coverage of the process of development of the agriculture of the Andijan district in the “Turkestan Collection”. *Priority scientific directions: from theory to practice*. (23), 30–34. (in Russian).
Базаров К. Освещение в «Туркестанском сборнике» процесса развития сельского хозяйства Андижанского уезда // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 30–34.
- Chulliev, Sh.B. (1994) *Central Asia in the Russian-Indian relations of the last quarter of 19th – beginning of 20th c. (Basing on the materials of the “Turkestan Collection”)*. Abstract of the Doctor of Historical Sciences dissertation. Tashkent, S.n. (in Russian).
Чуллеев Ш.Б. Средняя Азия в русско-индийских отношениях последней четверти XIX – начала XX в. (По материалам «Туркестанского сборника») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент : Б.и., 1994. 24 с.
- Frank, A.J. (2001) *Muslim Religious Institutions in Imperia Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910*. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Fuks, S.L. (2008) *Essays on history of state and law of Kazakhs in the 18th and the first half of the 19th c.* Astana, Yuridicheskaya kniga Publ. (in Russian).
Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана: Юридическая книга, 2008. 816 с.
- Gökalp, Yu. & Eyüpoğlu, O. (2018) Türkistan Derlemesi’ ve Orta Asya Dini Düşüncesi Açısından Kaynaklık Değeri. *Oş Devlet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi İlmi*. (25), 69–86.
- Grodekov, N. (1889) *Kyrgyz and Kara-Kyrgyz of the Syrdaria Province*. Vol. 1. Legal life. Tashkent, S.I. Lakhtin’s typolithography. (in Russian).
Гродеков Н. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент : Типолиграфия С.И. Лахтина, 1889. 298+205 с.
- Khatamov, Z. (1993) “Turkestan Collection” by V.I. Mezhev and its meaning for researchers of the Central Asia and neighboring countries. *Social Sciences in Uzbekistan*. (2), 50–53. (in Russian).
Хатамов З. «Туркестанский сборник» В.И. Межова и его значение для исследователей Средней Азии и сопредельных стран // Общественные науки в Узбекистане. 1993. № 2. С. 50–53.
- Kraft, I. (1898) *Court branch in the Turkestan Region and Steppe provinces*. Orenburg, P.N. Zharikov’s typolithography. (in Russian).
Крафт И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург: Типолиграфия П.Н. Жарикова, 1898. 214 с.
- Martin, V. (2001) *Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. Richmond, Curzon Press.
- Maslova, S.V. (1940) *Systematic index for the “Turkestan Collection”*. Vol. 417–591. Tashkent, S.n. (in Russian).
Маслова С.В. Систематический указатель к тт. 417–591 «Туркестанского сборника». Ташкент : Б.и., 1940. 360 с.
- Mazhitova, Zh.S. (2016) *The institutions of biys in the Russian and Kazakh historiography: comparative analysis (18th – beginning of 21st cc.)*. Doctor of Historical Sciences dissertation. Moscow, S.n. (in Russian).
Мажитова Ж.С. Институт биев в российской и казахской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. М. : Б.и., 2016. 553 с.
- Obiya, Ch. (2013) *Turkestanskii sbornik as compilation of Colonial Knowledge: Focus on its index. CIAS Discussion Paper*. 35. Kyoto University, pp. 6–16.
- Sartori, P. (2017) *Visions of Justice: Shari’a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leiden; Boston: Brill.
- Shabley, P. & Sartori, P. (2020) Tinkering with Codification in the Kazakh Steppe: ‘Ādat and Shari’a in the work of Efim Osmolovskii. In: Sartori, P. & Ross, D. (eds.). *Shari’a in the Russian*

- Empire: The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1900*. Edinburgh University Press, pp. 209–238.
- Slovokhotov, L.A. (1905) *People's court on a base of customary law of Kyrgyz of the Little Horde*. Orenburg, Turgai provincial typolithography. (in Russian).
- Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды. Оренбург : Тургайская областная типолитография, 1905. 156 с.
- Uyama, T. (2013) The Changing Religious Orientation of Qazaq Intellectuals in the Tsarist Period: Shari'a, Secularism and Ethics. In: Pianciola, N. & Sartori, P. (eds.). *Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th – early 20th centuries)*. Wien, Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. pp. 95–118.
- Vasil'ev, D.V. (2014) *Russia and Kazakh Steppe: administrative policy and status of the remote area. 18th – first half of 19th century*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ. (in Russian).
- Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
- Vasil'ev, D.V. (2020) *The birth of the empire. South-East of Russia: 18th – first half of 19th c*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. (in Russian).
- Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-Восток России : XVIII – первая половина XIX в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Yo'ldoshev, S.V. & Boboyev, M.Q. (2023) “Turkiston to'plami” O'zbekiston tarixini o'rganishda muhim manba sifatide. *Actual Problems of the History of Uzbekistan*. 1 (1), 461–467.
- Zimanov, S.Z. (2008) *Kazakh court of biys as the unique court system*. Almaty, Atamura Publ. (in Russian).
- Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы : Атамұра, 2008. 224 с.

Сведения об авторе:

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 194100, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., д. 3А

ORCID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru

About the author:

Roman Yu. Pochekaev – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Full Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Law Faculty, HSE University; 3A, Kantemirovskaya str., Saint Petersburg, 194100, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru